

18+

КОНСТАНТИН ШАХМАТОВ

ВЯТСКИЙ СЫЩИК МИХАИЛ САЛТЫКОВ

НЕУЛОВИМАЯ БЕСТИЯ

Константин Шахматов

**Вятский сыщик Михаил
Салтыков. Неуловимая бестия**

«Издательские решения»

Шахматов К.

Вятский сыщик Михаил Салтыков. Неуловимая бестия /
К. Шахматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986327-0

«Неуловимая бестия» является логическим продолжением «Дела раскольников». Еще немного усилий, и следователь Салтыков блестяще справится с поставленными перед ним задачами... А в конце его ждет такой долгожданный приз.

ISBN 978-5-44-986327-0

© Шахматов К.
© Издательские решения

Содержание

глава первая	6
март 1855 года. Вятка	6
Санкт-Петербург и окрестности	7
Санкт – Петербург. кабинет управляющего III Отделением Дубельта	11
Трущобы Петербурга	15
март 1855 года. Вятка	17
Санкт-Петербург. Кабинет управляющего III Отделением Дубельта	20
Санкт-Петербург. кабинет Министра внутренних дел Бибикова	22
Глава вторая	27
Конец марта 1855 года. Город Казань	27
Санкт-Петербург. Обжорный ряд	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вятский сыщик Михаил Салтыков Неуловимая бестия

Константин Шахматов

© Константин Шахматов, 2025

ISBN 978-5-4498-6327-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

глава первая

март 1855 года. Вятка

А вот и она, ненавистная сердцу провинция! Всякий раз возвращаясь из командировок по Слободскому тракту, минуя село Макарьево, чиновник видел город издалека. Тот как бы возносился над всеми окрестностями. Главным образом, благодаря высоким шпилям многочисленных храмов да колоколен, стоящих на самой кромке высоченного берега...

Обозревая город со стороны, пребывая в состоянии жесточайшей меланхолии (а настроение Салтыкова могло зависеть от неутешительных результатов проделанной ревизии или подхваченной в какой-нибудь гостинице лихорадки), он ловил себя на мысли, что незатейливая красота церковной архитектуры в совокупности с природными ландшафтами вызывали в нем одновременно и чувство блаженного умиления, оттого, что он часть этой природы, и совершенной брезгливости, по причине того, что Вятка, не смотря на все свои красоты и прелести, оставалась для него лишь местом изгнания, в коем он вынужден был прозябать лучшие годы. Другой раз, находясь в состоянии холодного безразличия ко всему окружающему, он ловил себя на мысли, что все происходящее с ним здесь и сейчас, всего лишь странный сон, вплетенный каким-то образом в ту настоящую жизнь, счет времени которой он, к сожалению, давно потерял. Упустил окончательно и бесповоротно. И порвал последние ниточки, связывавшие его с беззаботным жизнепроеждением в северных столицах с их театрами и балами; не такой уж и скучной службой в военном ведомстве; веселыми попойками и тайными посещениями запретных кружков...

В такие моменты не было в Вятке ничего для усталого сердца. И ничто не носило в чертах колоколен и белокаменных монастырей теплоты человеческих рук. Рук, построивших эти стены. Интересно, думал он, а те самые руки, свободно манипулировавшие оптимальными пропорциями и золотыми сечениями, понятиями меры и достатка, были ли они свободны от сегодняшних предрассудков общества в отношении к инакомыслящим и заблуждающимся. Наверняка, были. А, может, нет?

И вот тогда он потихоньку плакал. Скулил и скрежетал зубами от злости, стуча кулаком по деревянной скамейке коляски или дремучего тарантаса, в котором ехал. Проклинал и Господа и Царя батюшку за вселенскую несправедливость по отношению к несчастному ссылке. Далее успокаивался. Понимал, что как бы не хулил этот город прежде, как не пытался вырваться, ничего милее его истомленной душе и уставшему телу, увы, в данный момент не предвидится! А раз так, то нужно ли ему ценить эти годы? Нужно ли запоминать и записывать каждый день, каждую минуту пребывания здесь?

К черту все это! Сей вопрос всегда оставался для Михаила из разряда гипотетических.

Однако теперь, благодаря помощнику Дубельта, можно взглянуть на окружающий мир по-иному. Можно сказать, в розовом свете. И как хороша показалась ему в этом свете наивная Вятка! Как прекрасна, и нисколько не вычурна. С ее зваными обедами, блинами и бубликами; с карточной игрой до утра; перезрелыми девицами на выдане; беспринципными чиновниками.

Наконец-то я дома! Как хорошо!

Санкт-Петербург и окрестности

Из окна летящего тарантаса уже проглядывались стены Шлиссельбургской крепости...

Аверкиев, наблюдая за спящим жандармом, пнул лежащий на полу саквояж. Саквояж был довольно большим, с усиленными металлическими ручками, перехваченный поперек двумя железными обручами. Охранник сладко посапывал, пуская слюну, и ничего не предвещало его скорого пробуждения. На прошлой станции, где они меняли лошадей и перекусывали, чиновнику удалось добавить в его рюмку несколько капель снотворного.

Сломав печати, Иван Александрович щелкнул замком и открыл чемодан. Вот оно, золото!

Никогда в жизни он не видел столько золота сразу. Чиновник запустил в саквояж руку и загреб полную пригоршню плоских и холодных на ощупь, словно речные камушки, лобанчиков. Он пошевелил пальцами, и монеты ответили на его манипуляции характерным звуком. Кажется, Иван Александрович даже почувствовал на языке их кисловатый металлический привкус.

Вожделенная сумма, сулившая решить все его проблемы разом. Пропуск в новую жизнь. Реальная возможность удачной женитьбы. Гарантия его обеспеченной старости. А всего-то и нужно: выпрыгнуть на каком-нибудь повороте и затеряться в огромном городе. И другого случая не будет.

Аверкиев разжал пальцы и высыпал монеты обратно. Закрыв чемодан, застегнулся на все пуговицы, надвинул поглубже шляпу и, бросив прощальный взгляд на жандармского унтера, открыл дверь. Выждав момент – подтащил тяжеленный саквояж к дверному проему и, приподняв его, кинул как можно дальше, так далеко, насколько хватило сил. Нельзя допустить, чтобы чемодан попал под колеса и все его содержимое высыпалось.

Успев заметить место падения заветного чемодана, коллежский ассессор зажмурился и выпрыгнул сам.

Летя черт-те-знает куда, Аверкиев представлял себе Анну Ильиничну Кузоватову, любовь всей его жизни и, как он небезосновательно полагал, будущую его супругу с Гороховой улицы. О, что это была за женщина! Ради нее одной, – думал коллежский ассессор, – стоило рискнуть жизнью, бросив вызов и Государю и всему Жандармскому управлению.

И первая же новость, ожидавшая появления Салтыкова в Вятке, оказалась приятной и, без сомнения, радостной. Дали ему надворного советника. Постановление о производстве в чин неделю как пролежало на службе. Посему друзья и сослуживцы встречали скитальца с распростертыми объятиями и горячими поздравлениями. Да и сам Михаил был несказанно рад этому, потому что жалование его существенно увеличивалось. Что весьма кстати. И, правда ведь, деньги никогда не бывают лишними.

Вечером Салтыков наведлся в гости к Иониным. Так тянуло блудного сына после долгих странствий оказаться в знакомой обстановке, прижаться к друзьям, поделиться радостной новостью и, наконец-то, выговориться. Точнее – объяснить с Софьей Карловной, предметом всех его предательских помыслов.

Софья, как нарочно, надела свое серое платье с пелериною, что особенно нравилось Михаилу. Шутила, была весела и порхала как бабочка. Первым делом Салтыков поведал ей о здоровье ее папеньки, старика Фон-Людвига, с которым только что виделся, останавливаясь в городе Слободском. После – о своих невероятных приключениях и надеждах на светлое буду-

щее. Он даже прочел вслух отрывок из секретного послания Сагтынского, со слов которого выходило, что сам Государь, по причине огромной своей занятости, поручил вопрос об освобождении Салтыкова из ссылки Дубельту. Его превосходительство, в свою очередь, как член секретного комитета, в принципе, был не против ходатайствовать за чиновника перед совещательной комиссией. Оставалась самая малость: дожидаться выздоровления Государя Императора. Ведь именно он даст добро и осенит резолюцией.

Софья Карловна, порадовавшись за Михаила, в ответ похвалилась мужем: ему, как и Салтыкову, давали очередной чин. Они все вместе вспомнили прошлое. Покончив с обедом, друзья собрались пить чай. Софья Карловна достала из буфета пирожные.

– Бисквитные! – объявила она, – Будто бы знала, что Михал Евграфыч пожалует.

– Да-да, – Николай Васильевич хмыкнул и пригладил усы.

В отличие от Софьи, он оказался сегодня не особенно разговорчивым.

Софья Карловна строго взглянула на мужа, мол, к чему эти намеки и что за глупости. Повисла неловкая пауза, в продолжение которой слышны были постукивания серебряных ложечек о фарфоровые блюдца, да частые прихлебывания.

– Ладно, – выдохнул доктор, покончив с десертом, – Пойду-ка я спать. Поздно уже. И устал.

– Иди, – ответила Софья, с улыбкою.

Николай Васильевич, пожелав всем спокойной ночи, вышел, и Салтыков остался наедине с Софьей Карловной. Они сидели молча, слушая, как тикают на стене часики... Михаил не выдержал пытки и первым нарушил молчание.

– Ты уж прости меня, Софья. Бога ради, прости. Все эти месяцы я думал о своем отвратительном поведении. Конечно, я не имел никакого морального права так поступать.

– Подглядывать за мною?

– Да.

– Ах, оставь это, Миша, – тихо говорила Софи, рассматривая свою пустую чашечку, – Я не сержусь.

– Верить ты мне или нет, – я каюсь и обещаю, что такого больше не повторится.

– Верю, – все так же тихо говорила Софья, – Надеюсь, когда падал, ты не слишком ушибся?

Салтыков стыдливо потупил взор.

– А ну, посмотри мне в глаза, – неожиданно строго произнесла женщина, – Что ты их все время в сторону отводишь, будто и в самом деле стыдишься?

Салтыков поднял голову и посмотрел на Софью Карловну, но не прямо, а как бы сквозь нее.

– Ты что-то скрываешь от меня? – продолжала она допытывать.

– Разве что своих чувств, – еле слышно произнес Михаил.

– Сам не знаешь, что говоришь! – фыркнула Софья, легонько шлепнув его по лежащей на столе кисти, – Мы всегда были друзьями и ими останемся! А тебя во Владимире ждет милая девушка Лиза. Ужели забыл о ней? А вот я, представь себе, помню. Ты много про нее рассказывал.

– Когда это было, – протянул Михаил, – Сто лет назад. Наверняка и с ее стороны то была первая детская влюбленность, не более.

– Неважно. Раз обещал, так женись. Уверена, что с ней ты будешь счастлив всю свою долгую жизнь.

– Но, – спохватился Михаил, – почему ты о ней спрашиваешь?

– Вижу в глазах твоих нездоровый блеск, и хочу вернуть тебя на путь истинный. Сам подумай: я для тебя слишком старая.

– Неправда.

– Знаю-знаю! – насмеялась Софи, – Я знаю, как поступить в данном случае. Я пожалуюсь на тебя Николая! Перескажу ему все пошлости, которыми ты потчешь меня в его отсутствие! И вот тогда-а-а...

– О, прошу тебя, не говори ничего! Он и так на меня зол за прошлую выходку.

– Нет-нет-нет, непременно пожалуюсь! – не унималась безжалостная София.

– Умоляю!

– Нет, я все равно когда-нибудь это сделаю! И поделом тебе, дурачок. Будешь знать!

– Ты лучше скажи, что я могу сделать в свое оправдание? Я непременно желаю исправиться и не хочу, чтобы между нами оставалась хоть толика непонимания.

– Я подумаю, – подвела итог Софья Карловна, смотря на Салтыкова с прежней своею снисходительностью.

Точно так же она и раньше прощала все его выходки. Например, когда Михаил, повздоровивши с домочадцами или кем-нибудь из гостей, убежал на улицу, а набродившись где-то – возвращался и вымаливал прощения. Впрочем, все принимали его за младшего брата, и никто из семьи не злился на Михаила всерьез и надолго.

– Уж и вправду, не болен ли ты? – спрашивала Софья, пристально вглядываясь в Салтыкова.

– Так заметно?

– Выглядишь утомленным. Попрошу Николая дать тебе лекарства.

– Я просто устал и ничего более, – отмахнулся Салтыков, – Да и спит он, наверное. Зачем будить.

Софья Карловна загадочно улыбнулась, поднимаясь из-за стола, и со значением произнесла:

– Хорошо. Тогда пойдем, прогуляемся. Тебе уже домой пора, а я хоть воздухом подышу. Заодно над своим будущим поведением подумаешь.

Софья шмыгнула в сторону кабинета Николая Василича, тихонько отворила дверь, и исчезла в темном проеме, оставив лишь маленькую щелочку. Через несколько мгновений Михаил услышал доносящийся из кабинета приглушенный спор.

Салтыков решительно встал, прошел в коридор, и начал лихорадочно одеваться. Одеваясь, путался в рукавах, не мог надеть шляпу. Тут появилась Софи:

– Я предупредила Николая, что пошла с тобою.

– А он не спит?

– Сказал мне, чтоб скорей возвращалась. Сказал, что будет ждать и без меня не заснет.

Салтыков не стал помогать Софье Карловне одеться, а вместо этого поспешно выбежал на улицу. Неприятный внутренний спазм не отпускал его, сдавливая грудь. Михаил пару раз глубоко вздохнул, но ничего не помогало. Что за напасть-то такая, – думал он, хватая прохладный мартовский воздух.

Наконец появилась Софи и взяла его под руку.

– Пойдем туда, – сказала она, – налево, к Воскресенской улице.

– Пойдем, – кивнул Салтыков.

– И все-таки, – продолжила Софья начатый дома разговор, – Ты все еще любишь Лизу, тоскуешь по ней? Два года как они всей семьей из Вятки уехали, поэтому вряд ли успели забыть о твоём обещании.

Михаил вздохнул. Ему совсем не хотелось вспоминать о Лизе Болтиной. Не на разговоры о ней хотел он потратить время наедине с Софьей Карловной.

– Да как тебе сказать... Любил. Обещал. Однако женитьба, такое хлопотное занятие. Даже не знаю... Столько проблем... Да и деньги, опять же, потребуются не маленькие. Не хочу я.

– Неужели?

– Да не люблю я ее, вот что!!! А без любви – зачем?

Услыхав такое, Софья Карловна рассмеялась.

– Что тут смешного? – спросил Салтыков.

– Ах, Миша! – восклицала Софья с издевкою, – Да что ты знаешь об этой любо-овии!

Софья Карловна наклонилась к Михаилу, и прошептала в самое ухо:

– Любовь, это бешенство! Понимаешь? Любовь, это когда весь мир в труху, а тебе все равно.

– Подожди, а дети?

– Детей может и вовсе не быть, коли без них хорошо, – отмахнулась Софья.

– Здесь я с тобою согласен, – подхватил Михаил, – Жена для мужа должна быть, в первую очередь, другом. Вот как ты, например, для Николая Василича. Помогаеть ему в делах, разделяешь взгляды, имеешь общие стремления.

– Но дружба, это не любовь! – отчетливо произнесла Софья Карловна, разделяя каждую буквочку.

– А что? – в свою очередь вопрошал Михаил.

– Не знаю, – тихо отвечала она, – Все что угодно, но только не это. Скорей всего быт и неприятные обязанности.

– Так ведь и я о том же! Ну не могу я без любви жениться. Не могу.

Салтыков резко остановился, заставляя сделать то же самое Софью.

Странная парочка застыла на перекрестке. Салтыков крепко держал Софью за руку и не хотел отпускать. Они так близко стояли друг к другу, что Михаил чувствовал на своем лице ее легкое прерывистое дыхание со вкусом бисквитных пирожных, с которыми они только что пили чай.

Ежели я этого сейчас не сделаю, то никогда не прощу себе, – подумал Михаил, и порывистым движением поцеловал женщину. Софья Карловна удивленно вскинула брови, но не отстранилась от него. Неожиданно для Салтыкова она сама поцеловала его в ответ.

Чадающий фонарь на столбе едва давал света. Полуночный дворник с медной бляхой на груди колотил через дорогу лед, методично вонзая в него свой чугунный лом. Запоздалый извозчик, вероятно пьяный и с пустыми санками, оголтело гнал вниз по широкой улице, рискуя съехать по застывшему снегу в обочину.

– Komm morgen früh. Mein Nikolaus wird nicht zu Hause sein, und du wirst deine Schuld auslöschen,¹ – сказала Софья Карловна на родном для себя немецком, но очень тихо, будто стыдась.

Салтыков кивнул:

– Ich komme².

¹ Приходи завтра утром. Моего Николя не будет дома, и ты загладишь свою вину (нем).

² Я приду (нем).

Санкт – Петербург. кабинет управляющего III Отделением Дубельта

- Опять не слава Богу!?
- Так точно, Ваше превосходительство.
- Кто?
- Аверкиев, которого я за Дукатами посылал в Ильинское. Исчез вместе с золотом.
- Каким образом? – Леонтий Васильевич отложил бумаги и грозно взглянул на стоящего перед ним Сагтынского.
- Сошел в районе Шлиссельбургской крепости.
- Охранник?
- Спал, Ваше превосходительство.
- Мерзавец! – вспыхнул Дубельт.
- Сейчас под арестом, до выяснения.
- Аверкиев ваш!

Адам Александрович склонил голову. Да он и сам не предполагал, что так получится. Но теперь-то что говорить. Только хуже сделаешь.

Дубельт резко поднялся, отпихнул от себя кресло, и заходил по кабинету, растрепывая на голове седые волосы.

– А я вам говорил, предупреждал насчет Аверкиева! Этаким скользкий тип, у которого лишь деньги на уме. У вас мало других агентов? Нашли, кому довериться!

– Он изначально по этому делу работал. В курсе был.

– А вот не надо, не надо так, Адам Александрович! В нашем департаменте поработал год-два – и к чертям собачим! Иначе люди страх теряют, и наглеют больше положенного. Начинают чувствовать за собой безнаказанность.

Дубельт остановился, налил из графина воды и залпом выпил. Цвет лица его переменялся с багряно-красного до желтовато-бледного.

– Так, говорите, четыреста тыщ было? – начальник штаба закатал рукав.

– Так точно, Ваше превосходительство.

– Однако, – протянул Леонтий Васильевич, щупая пульс, – Прямо проклятье какое-то. Заколдованный он что ли, чемодан этот. Ну никак не хочет, чтобы его адресату доставили.

Сагтынский не знал что ответить. Он выжидательно смотрел на начальника, и в глазах его читалась растерянность.

– А все из-за вас, Адам Александрович, – сказал, закончив считать Дубельт, – Подите, скажите Владиславлению, чтобы кофе сварил... Я подумаю.

– Ладно, – сказал генерал-лейтенант по возвращению Сагтынского, – Мы, помнится, и больше теряли. Тыщ сто пятьдесят я наскребу. А вы, Адам Александрович, сколько возместить сможете?

– Примерно, столько же, – развел руками Сагтынский.

– Остальное из премиального фонда восполните. Но чтоб ни одна живая душа! Вы меня поняли?

– Понял, Леонтий Васильевич.

– Придется, на какое-то время, и мне и вам поясок затянуть. Ну и агенты ваши без жалования посидят, не сломаются.

– Посидят, – кивнул Сагтынский, – Что ж теперь.

Адъютант принес кофий и приборы на двух персон.

– Наливайте, Адам Александрович. Вы у меня за официантишку будете, повинность отрабатывать, – с сарказмом произнес Дубельт, – Мне без сливок, но с сахаром.

– Пора мне, дружище, на покой, – серьезно произнес Дубельт, допивая кофе, – Представлю Государю прошение об отставке, и баста. Устал я, да и силы не те. Один провал за другим.

– Что вы, Леонтий Васильевич! – встрепенулся помощник.

– Правда-правда. Пора и о вечном задуматься.

– А мне что прикажете? Службу оставить?

– Воля ваша, Адам Александрович.

Сагтынский отрицательно покачал головой.

– Вам хорошо, у вас сыновья есть, не соскучитесь. С ними и на охоту сходить, и пулечку расписать. А я что с двумя незамужними сестрами в четырех стенах делать буду?

– Вы мне сперва похитителя найдите, вот что.

Дубельт так и не открылся Сагтыну, что уже доложил Государю об успешном завершении операции.

Полагая в начале побега двинуть на Сенную к Вяземской лавре, чтобы затеряться среди тысяч обитателей трущоб, Аверкиев передумал. Там не только золотишко потерять, но и голову сложить можно. Оставался закадычный друг Алексеев с его съемной квартирой на самой окраине. Других друзей у Ивана Александровича не было.

Константин Иванович, поручик в отставке и однополчанин Аверкиева, служил в Лесном департаменте в наискучнейшей должности. Жил он на Выборгской стороне, и единственной его забавой и отдохновением от служебных обязанностей были совместные с Иваном Александровичем попойки с обязательным посещением Удельных бань. Правда, не так часто, как хотелось бы.

– Все, брат, закончились мои страдания! – сказал Аверкиев, бросив саквояж на пол, – Теперь я богат. Неприлично богат, до умопомрачения.

Реакция товарища на его слова оказалась довольно сдержанной. Титулярный советник был заранее осведомлен о планах однополчанина подрезать чемодан с золотом, но ему не особенно в это верилось. Лично ему, Алексею, хватало бы для жизни и собственного жалования, будь оно полторы тыщи в год. Отставной поручик был не женат, и посему его потребности сводились к необходимому минимуму.

– Правда? – пыхнул он, поднимаясь с дивана, – Получилось?

– Вот они, денежки!

Аверкиев устало плюхнулся на подставленный товарищем стул и начал расстегиваться:

– Тяжелый, черт. Еле допер. И сколько в нем весу?

– Пуда три, я полагаю, не меньше, – Алексеев чуть наклонился и ткнул в чемодан дымящейся трубкой.

Открывать саквояж отставной поручик не стал, ограничившись внешним осмотром. Чемодан был заляпан грязью, а на пол с него текла растаявшая вода – на улице шел мокрый снег.

– А по моему мнению, твои мытарства только начинаются, – сказал он, – Сколько ты украл? Четыреста тыщ? Тебя ж найдут за такие деньги. На что ты надеешься?

– Один раз живем, Костя.

– Ты оптимист, не иначе.

- Да. Теперь мне даже министры с сенаторами не указ.
- Ну, ну, – Алексеев выстучал трубку о край стола, – К такому привыкнуть надо.
- Вот мы и начнем. Поехали кутить!
- А чемодан куда?

Аверкиев задумался. И вправду, куда его спрятать? Разделить, что ли, на маленькие партии, да распахать по углам?

Несмотря на поздний вечер Николая Васильевича не было дома. Михаил, пройдя в гостиную, удобно расположился на диване, а Софья Карловна, расставляя на столе приборы, взволнованно рассказывала.

- Если б я знала, что так получится...
- Что? – спрашивал Салтыков.

– Николая опять ударился в свои опыты. Вакцина ему, видите ли, не нравится. Помнишь, лет шесть назад, у нас холера была?

- Да. Я только в Вятку прибыл. Сам месяц в карантине просидел.

– Так вот, тогда наш Николая с прежним губернатором по губернии ездил, с инспекцией. Потом сам, на предмет прививания. Теперь же по Министерству здравоохранения пришли указания, чтоб в преддверии военных сборов решить вопрос с укомплектованностью вакцинами.

- И-и?

– Вторую неделю дома не появляется! Днюет и ночует у себя в лечебнице. За все это время я его раза два и видела. Заскочит домой, по-быстрому нахватается, и опять, – поминай как звали. Все отговорками отделяется, что с вакцинами экспериментирует. Ты поверишь, нет? ... Может, у него любовница?

Салтыков неопределенно хмыкнул, мол, в нашей-то провинции.

- Ревнуешь?

- Нет, но...

Софья Карловна застыла с занесенным фарфоровым чайником.

- Что ежели Николая знает о нас?

– Не выдумывай, – отмахнулся Михаил, – Это же чистой воды Жож Санд. Николая сразу бы мне все высказал, или на дуэль вызвал, ...или побил. Лично я так и сделал бы.

Софья с укоризною посмотрела на Михаила.

- Ты циник. Нет, ты – эгоист.

- Согласен с тобою полностью.

- Негодяй, каких свет не видывал, – добавила Софья.

- А вот с этим я бы поспорил.

- Предал лучшего друга. Завел маленький *liebesbeziehung*³ с его женой.

– И пусть меня накажут за это, – развел руками Салтыков, – И вообще, один раз – не считается. И то, наверное, от скуки так вышло.

- Негодяй, – повторила Софья, чуть дрогнув.

Салтыков соорудил ужасную мину.

– Но ты же сама мне пожаловалась. И вообще, давай закончим этот *geschwätz*⁴. Давай, развлечения ради, расскажу тебе случай из собственной практики. Это к тому, что на самом деле, все может оказаться не так, как ты думаешь.

- Ты что, доктор?

³ Любовный роман (нем).

⁴ болтовню (нем).

– Ежели задача доктора докопаться до источника инфекции, то моя работа следователя – раскопать все факты до единого. Похоже, не правда ли?

Софья Карловна пожала плечиком.

– Напрасно иронизируешь. Мне, к примеру, совсем не смешно. Не так давно допрашивал я одного подозреваемого. Пытался разузнать что-нибудь на счет одной старухи-мошенницы. Раньше я подозревал ее в распространении фальшивых ассигнаций и заговоре. Теперь же этот Шалаевский, так его фамилия, наговорил мне, что старуха к сему не причастная, а вся вина ее в том, что она деньги обменивает на бриллианты и золото. А как накопится у нее с избытком – в землю закапывает.

Софья Карловна недоверчиво фыркнула.

– Не веришь мне?

– Нет.

– Напрасно. У Шалаевского на допросе пена изо рта пошла. Такое трудно симулировать.

– Опять подследственных бьешь?

– Нет, что ты, Софья Карловна!

– Врешь, негодяй.

– Честное благородное.

– Тогда не знаю.

Салтыков поднялся с диванчика и подошел к столу, за которым сидела женщина. Опустившись рядом на стул, произнес фразу, глупее которой и выдумать невозможно:

– Я тут подумал: а что, ежели бы я нашел этот клад и отдал тебе, ...ты бы любила меня чуть больше обычного?

– Глупый ты, – отвечала та, – Разве можно купить любовь. Разве только привязанность.

Сказав так, Софья отпрянула. В глазах ее читался ужас и недоумение. Она словно бы очнулась от наваждения.

– Ты опять? У тебя есть девушка! Вот женишься, и ей отдашь. И вообще – не морочь мне голову!

– А что, – проворчал Михаил, – Вот было бы здорово! И прощение Государево получить, и разбогатеть. ...Хотя, тогда можно и не жениться.

Так вот для чего нужны деньги! Оказывается, все очень просто: деньги – это свобода. Не нужно строить карьеры, не нужно обзаводиться семьей, не нужно оправдываться перед кем-либо. Да и всемиловейшее прощение, в таком случае, ни к чему. Оно само превращается в приятное дополнение. Как рюмка хорошего коньяка за обедом.

Трущобы Петербурга

Аверкиев не стал прятать чемодан с золотом на своей старой квартире, а отдал большую его часть на хранение дворничихе, пообещав солидное вознаграждение. Верил ли он в честность Анюты? Конечно же, нет. Баба, есть баба. Но других вариантов не было. Если она из любопытства и залезет в чемодан, – думал Иван Александрович, – наверняка побоится кому-нибудь рассказывать. Ну, заныкает пару монет. Ничего страшного.

И в самом деле, после обыска на квартире коллежского асессора, в ходе которого Анюта присутствовала в качестве свидетеля, дворничиха заподозрила неладное, и когда жандармы ушли, справилась о содержимом оставленного на ее попечение чемодана самым естественным способом – открыла, и заглянула что там.

Ах, батюшки! Первоначальный испуг сменился нескрываемой радостью. Наконец-то в ее беспросветной жизни наметилось долгожданное облегчение. Они с пьяницей-мужем едва сводила концы с концами, а еще дети, которых и обусть, и накормить. Вряд ли Иван Александрович заметит нехватки маленькой денежки, – подумала Анюта, и взяла из чемодана четыре монеты. Она хоть и дура была, как говаривал ей мужик, но цену золота знала. Даже на один золотой можно много чего прикупить. Она крепко зажала в кулаке сокровища и побежала в лавку к Никите Петровичу.

Толстый как самовар Никита Петрович, увидав запыхавшуюся Анюту возле своего прилавка, упер руки в боки и грозно рявкнул, преграждая ей путь:

– Чего тебе!? Я в долг отпускаю! Ты за прошлый раз еще не расплатилась.

– Расплатюсь, родненький, – отвечала с поклоном Анюта, – Вот тебе и за прошлый раз, и за нынешний.

При виде лобанчиков, лицо лавочника сделалось более округлым и засияло всеми цветами радуги. Взяв с прилавка дукат, он взвесил его на ладони и повертел в обе стороны, недоверчиво рассматривая. Кажись, настоящий.

– Ты где взяла его, дура? – спросил он как можно строже, – На дороге нашла? У тебя ж отродясь таких денег не было.

– Нашла, Никита Петрович, – соглашалась дворничиха, – Да тебе-то что. Дай мне лучше за него канифасу отрез, да аглицкого сукна дай. А еще ситцу и бархата дай самого лучшего. И смотри, с бумагой не жадничай, – заверни как полагается.

Анюта быстро тараторила, продолжая список жизненно важных товаров, а лавочник, фыркнув, полез доставать.

– Да не части ты! – ворчал он, – Помедленней.

Из лавки дворничиха выходила раскрасневшаяся и довольная.

– Пойдем, касатик, – кивала она мальчику, выносившему следом за ней кучу перевязанных бечевкою свертков.

Все Анютины покупки были аккуратно упакованы, даже отрез сукна на плече мальчишки был обернут в кусок вошеной бумаги.

По дороге к дому, Анюта ловила на себе пытливые взгляды проходящих мимо таких же как она баб, и горделиво задирала нос. Мечтала, какие она сошьет ребятишкам замечательные костюмчики, а себе из бархата душегреечку с оборками, даже пьянице мужу и портки и пинджак с карманами. Чуть позже еще монеток вытяну, – строила радужные планы на будущее Анюта.

Никита Петрович, после ухода сумасшедшей дворничихи еще долго гонял туда-сюда костяные счеты, соображая насчет прибыли, а потом поспешил в банк. Ведь золото надежнее в банке хранить, не правда ли?

март 1855 года. Вятка

Скорбное известие о кончине Государя Императора пришло в губернскую Вятку с большим запозданием: четвертого числа, после обеда, вместе с почтой. Буквально за какой-то час новость облетела весь город. Люди заполнили все церкви и храмы, даже подступы к ним и улицы. Все молились, плакали. Ждали митрополита. С появлением его святейшества начались службы. Впрочем, назавтра, все уже присягали на верность новому императору – Александру Николаевичу.

Сказать, что смерть Государя печальнейшим образом отразилась на губернском чиновнике, означало бы не сказать ничего. Прошло несколько дней, прежде чем Салтыков мог твердо стоять на ногах и сравнительно трезво мыслить. Засим он был вызван в кабинет к губернатору.

– Все, Михал Евграфыч? Залили горюшко? Теперь можно с вами о делах разговаривать?

– Извольте, – кивал Салтыков, прикладывая ко лбу влажный платок.

– Будь на вашем месте другой человек, я бы давно уже всыпал ему по первое число.

– Так всыпьте.

– Не могу, ... в связи с вашим особым положением.

– Вот повезло... Как утопленнику.

Чиновник помахал платочком, чтобы тот охладился, и снова приложил.

– Вообще-то, я не напрашивался. Могу поменяться с кем угодно.

– Храбритесь?! – восклицал Семенов, – Ну-ну...

– Я вас слушаю, Николай Николаевич.

– Так слушайте, – губернатор нахмурил брови, – Секретное предписание Его высокопревосходительства господина министра Бибикова по соответствующим инстанциям.

Губернатор нацепил очки и начал зачитывать:

– В связи со смертью Государя Николая Павловича, бла- бла-бла, предстоящими переменами на высоких должностях и, возможной амнистией, все сомнительные, а тем паче – незаконченные дела, подлежат объективному пересмотру: политические, уголовные, по гражданскому ведомству... По результатам проверок: незаконченные отправляются на доследование; не имеющие состава преступления, равно как и признанные в их малой значимости – закрываются окончательно...

Губернатор оторвался от бумаги удостовериться, что чиновник выслушал его с должным вниманием.

– Вы догадываетесь, что сие означает, господин надворный советник?

Салтыков отмахнулся платком от взявшей из ниоткуда мухи.

– Наследнику нужно принять бразды правления?

– Это означает, что нам, в ближайшие пару месяцев, предстоит работать не покладая рук с утроенным, нет – удесятеренным усердием. Я понятно выражаюсь?

– Понятно, Ваше превосходительство. Затребовать из архива тома по делу раскольников?

Семенов снял очки, намереваясь положить их на стол, на лист бумаги с круглым отпечатком то ли от чашки, то ли рюмочки. Его самого знобило, а пальцы, сжимавшие дужки очков, потрясывало. Любопытная муха, тем временем, обследовала хоботком сей грязный кружок, останавливаясь ежесекундно и деловито потирая лапками. Семенов, выжидая когда та улетит, отвечал рассеяно:

– Всенепременно и обязательно...

– С которого из них начать? Вернее, продолжить.

– С кого-нибудь, ... на свое усмотрение. Пора с ними завязывать.

За окном ярко светило солнце, где-то на деревьях стрекотали воробушки. Весна вступала в свои права неудержимо и весьма уверенно.

Эх, знали бы вы, Николай Николаевич, как вы мне надоели. И жизнь эта, дурацкая, надоела. Лучше бы умереть, – думал про себя Салтыков, – А лучше закрыться на квартире, и продолжать пить на пару с Григорием, ведь надежды на всемиловитивейшее прощение умерли вместе с Государем Императором.

Губернатор Семенов сидел в кресле и разглядывал обнаглевшее насекомое. Наконец, собравшись с мыслями, вымолвил:

– Чего молчите, надворный советник?

– Один момент, – устало выдохнул Салтыков, – Помните, как мои блестящие изыскания прервали в самом разгаре? Я только начал нащупывать ниточки, Ваше превосходительство, как тот же господин министр потребовал завернуть расследование.

– Вы хотите сказать, что до сих пор ничего толком не выяснили? – Николай Николаевич щелкнул дрожащим пальцем по двукрылому, пытаясь прогнать его.

– Вы читали мои рапорты. Следы ведут в южные губернии. К Войску Донскому, например.

Семенов покачал головой.

– Вам туда нельзя, даже не думайте. Каждая ваша поездочка мне новых морщин стоит. Так и жди неприятностей.

– Могу и не ездить, Ваше превосходительство.

– Экий вы скорый. Такую кашу заварили, что теперь не отвертишься.

– Не я, а Фон-Дрейер...

– Не спорьте со мною! – губернатор стукнул ладонью совсем рядом с *Musca domestica*⁵, и тут же поморщился от боли, причиненной резким движением.

Та чуть взлетела, но опять приземлилась, продолжая свое путешествие среди бумаг и чернильниц Его превосходительства.

– Вы меня слышали: Дмитрий Гаврилович, в свете последних событий, требует окончательных результатов. И вы знаете, как он ненавидит раскольников. Повторяю: давайте с ними заканчивать!

– Сначала свернуть расследование, потом развернуть. Вас не поймешь, – проворчал Салтыков.

– Что вы сказали? – переспросил Николай Николаевич, наблюдая за мухой.

– Ладно, говорю. В Казань поеду, там один лжеепископ живет. Потом в Нижний, – произнес чиновник, будто бы делая одолжение, – В последнем промышляет некто Колчин. Часто на Дон ездит. Найду у него фальшивые ассигнации – значит он курьер. Придется арестовывать.

Семенов хотел поймать глупую муху в кулак, но та опять увернулась.

– Надеюсь, на этом все?

– Ежели не всплывут новые обстоятельства...

– А вы постарайтесь! – не выдержал Семенов, – Вы мне здесь нужны. Без вас как без рук. На вас столько обязанностей по градоустройству, а вы по губерниям разъезжаете.

– Я же сказал: могу не ездить.

– Надворный советник, вы опять за старое! – губернатор, потеряв терпение, резко поднялся из-за стола, – Вы не один в этом деле завязаны! Я поручился за вас Его высокопревосходительству.

Муха на столе губернатора замерла, словно приносиваясь.

⁵ Комнатная муха (лат).

– Получу для вас разрешение из Петербурга, сразу же и поедите. И кончим на этом. Я вас боле не задерживаю.

Губернатор взял в руки папку с бумагами и хлопнул ею об стол. Муха, скорее всего, погибла.

Ни один мускул не дрогнул на лице Салтыкова. Он развернулся, и пошел прочь. В спину ему Николай Николаевич проговорил:

– Потеплело, видать. Ишь, расползались.

Когда за чиновником закрылась дверь, губернатор облегченно выдохнул и наклонился к ящику письменного стола, где была припрятана спасительная бутылочка. Он, как и всякий русский человек, трагически переживал по поводу смерти Николая Павловича – четвертый день как.

Санкт-Петербург. Кабинет управляющего III Отделением Дубельта

– Ну, что, ищите Аверкиева?

– Ищем, Ваше превосходительство. Я всех агентов задействовал. Пока никаких результатов.

– Что ж вы так, в родном-то городе, – Леонтий Васильевич отложил перышко, – Мельхиседек, вон, за две тыщи верст от нас спрятался, а вы уже знали где он. Почему с розыском простого коллежского асессора такие затруднения испытываете?

– Побегал бы в леса – я бы тоже знал, – Сагтынский нахмурился.

– Не мне вас учить, Адам Александрович. В Петербурге злачных мест мало? На худой конец, нагрузите полицию. Учините по месту жительства обыски. Или же для этого особые методы требуются?

– По линии соседнего министерства уже проводятся мероприятия. Я каждый день получаю от них сведения. У них пока тоже – ничего. Видать, хорошо спрятался.

– А он точно в Петербурге скрывается? Вы ничего не путаете?

– Точно, Ваше превосходительство. У него тут дама сердца на Гороховой. Сердцеедка, доложу я вам, каких свет не видывал. Так что ждем. В ближайшее время, думаю, появится.

– Не знаю, не знаю. Женщина, вариант сомнительный. Она и предупредить может.

Дубельт с тоскою взирал на помощника, будто бы ждал от него более серьезного предложения. И тайный советник ответил ему весьма оригинальным способом.

– Вы, Леонтий Васильевич, Мельхиседека вспомнили... Что ежели и его, на всякий случай, задействовать? Он не то что Аверкиева, он и побольше рыбу лавливал. Вспомните?

– Мельхиседека? По-моему, я настоятельно рекомендовал от него избавиться.

– Не успел пока, Ваше превосходительство. Он сейчас в Пермском тюремном замке сидит под надежной охраною. Посулим амнистию, предложим обратно часть награбленного, ежели найдет нам Аверкиева. Взыграем на низменных чувствах, так сказать. А он, бастард, без чести и совести. Согласится, я думаю.

Дубельт покачал головой.

– А где гарантии, что ежели он найдет Аверкиева, то не передумает? Ему выгодней все золото себе забрать, а чиновника и убить можно.

– Его наш человек проконтролирует.

– Еще агент?

– Да, Ваше превосходительство. Из криминальной среды, занимает определенное положение. Завербовали мы его, хотя ни разу не использовали. Вот и проверим.

– А не проще ли вашему агенту напрямую поручить поиск Аверкиева? Зачем огород городить?

Сагтынский, не теряя терпения, повторил тем же спокойным голосом:

– Я же говорю, Ваше превосходительство, агент еще не проверенный. К тому же, если мерзавцы будут действовать сообща, нам же легче за ними следить.

– Ладно, – устало вздохнул Дубельт, – Будь по-вашему. Только дайте мне результат.

Разобравшись с анализами и закончив осмотр, доктор Ионин явственно заскучал. Все симптомы говорили о том, что Софья Карловна беременна. А еще внезапные недомогания, перемены в настроении, желание откусать чего-нибудь эдакого. В общем – полный набор.

Нет, Николай Васильевич был не против очередного ребеночка. Дети, это хорошо. Но когда произошло зачатие? Весь прошлый месяц он был завален работой, появлялся дома редко, отношения с супругой – хуже не куда. Помнится, даже ругались с ней. Опять же, по поводу занятости. Ну, спали несколько раз вместе, и что?

В самом деле, своего первенца, Колю, супруги родили с большим затруднением после многолетней череды неудач. Весь процесс вынашивания плода сопровождался нервными срывами Софьи и обвинениями в адрес Ионина.

– Поздравляю тебя, Софья Карловна. Ты беременна.

– Сколько? – строго спросила женщина.

– Четыре недели, приблизительно.

Софья запрокинула голову.

– О, Господи!

– Что-то не так, душенька? Ты, кажется, удивлена не меньше моего.

– Нисколечки!

– Отчего такая реакция?

– Не каждый день у нас с тобою что-то получается, – Софья со значением посмотрела на мужа, – Сам-то, вон, побледнел как полотно.

Ионин промолчал. Ему нечего было ответить. Вместо этого он еще сильнее нахмурился.

– Чего молчишь?

– Так, думаю.

– Чего ты там думаешь! – Софья встала с кушетки и начала одеваться.

– Где денег взять. Прибавление ожидается.

– А негде! – заключила супруга, – С частной практикой плохо. Ты всех пациентов растерял со своими опытами. Теперь одна дорога – на паперти попрошайничать. Но не волнуйся, я тебя от этого огражу. Сама встану с протянутой рукою: пода-айте, Христа ради, люди добрые! Я беременная жена губернского лекаря Ионина. Нам кушать нечего.

– Перестань поясничать! – оборвал доктор, – Что-нибудь придумаю.

– Думай, korfgarten⁶, – острые скулы Софьи Карловны, кажется, сделались еще более острыми.

– Я закончил свои опыты с новой вакциной. Теперь жду подтверждения.

– Тебе за нее заплатят?

– Ежели все удачно сложится.

– И сколько нам ждать? Год, два?

– Не знаю, душенька. Но думаю, все получится.

– Понятно, – хлопнув дверью кабинета, Софья Карловна выбежала прочь.

Она стремглав неслась по улице. Не оглядываясь по сторонам, не обращая внимания на удивленные взоры прохожих. Несколько знакомых дам, попавшихся ей навстречу, даже не успели поздороваться – так она быстро бежала. Бежала, пряча заплаканное лицо и душившие слезы. То были слезы отчаяния. Она решительно не предполагала, что так закончится.

– Подлец! Негодяй! – всхлипывала Софья Карловна на ходу.

И слова эти относились отнюдь не к собственному мужу. Был еще человек, которого она только что возненавидела.

⁶ Голова садовая (нем).

Санкт-Петербург. кабинет Министра внутренних дел Бибикова

Дмитрий Гаврилович Бибиков, мягко выражаясь, недолюбливал Дубельта. Хотя по роду деятельности им приходилось общаться, их отношения носили сугубо официальный характер и никогда не переходили в дружеские. И разница в возрасте не имела решающего значения. Старый солдат, участник Бородина, по праву считал Дубельта молодым интриганом и не упускал случая от души насладиться промахами или досадными упущениями, что время от времени возникали в соперничающем департаменте. А еще, между ними существовало своеобразное соревнование: кто кого опередит или окажется прозорливее.

Впрочем, кое-что общее у этих господ, все-таки, было. Как высокопоставленное лицо, обремененное государственными интересами, министр внутренних дел так же был вынужден добиваться желаемых результатов всеми доступными способами. Человек военный, привыкший жертвовать, Дмитрий Гаврилович мог запросто кинуть на алтарь победы пару-тройку невинных душ, прекрасно осознавая, что все это воздастся ему сторицей и окупится, что все это он делает ради общего блага, ради Государя, ради Отечества.

Вот и нынешняя компания по борьбе с раскольниками происходила не просто так, из личной неприязни или прихоти, а по установке, спущенной свыше. И ее результатами должны стать полная дескредитация старообрядцев в глазах общественности и окончательная зачистка их тайных мест обитания. Отчасти это было продиктовано неудачами двухлетней давности, когда не удалось в полной мере исполнить известного указа Императора. Теперь же планировалось высвобождение оставшихся раскольничьих скитов и монастырей для замены их православными или, на худой конец, единоверческими. Все делалось для того, чтобы новый Государь продолжил дело своего батюшки без лишних проволочек.

С политической точки зрения старообрядческие общины, с накопленными капиталами, с их высоким авторитетом и отличной взаимовыручкой, представляли собой существенную силу, могущую оказать (и уже довольно успешно оказывающую) заметное влияние. И не только по части политики, но и в хозяйственной и производственной сферах. Старообрядцы хоть и помогали в войне с Турцией, но неохотно и недостаточно. А что ежели бы они вознамерились покачнуть весы в другую сторону? Разве недостаточно было примера с Пугачевым или Разиным? Ужели лучше было бы ждать очередной бунт? Другими словами, в борьбе с внешним врагом нужен был враг внутренний, который тут же отыскался, потому что никуда и не уходил. Враг, которого можно было бы с легкостью обвинить в своих неудачах, борьба с которым давала определенные политические дивиденды отдельным высокопоставленным личностям.

Без всякого сомнения, Бибиков знал об истинных причинах нынешних мероприятий, но они мало интересовали его. В политику Дмитрий Гаврилович не лез из принципа, предпочитая оставаться солдатом. А солдату что прикажут, то он и делает.

– Михал Иваныч, голубчик! – воскликнул министр, поднимая в приветствии руку, – Знаю, что вы сильно заняты, да не по вашей части вопрос, но тут дело серьезное. Поэтому я попросил вас зайти, посоветоваться.

– Слушаю, ваше высокопревосходительство, – товарищ министра присел на краешек стула.

– Касается Салтыкова, вашего знакомого.

– Которого из них? – иронично усмехнулся Лекс, – Салтыковы – фамилия знатная.

Из правительства?

Дмитрий Гаврилович так же иронично фыркнул:

– Чиновника Салтыкова, ссыльного.

– Ах, этого! Опять? Но он не из тех.

– Знаю-знаю, любезный Михал Иванович. Маленький человечек, чиновник седьмого класса из канцелярии Вятского губернатора. Просто я вспомнил, как вы всегда за него беспокоитесь.

– Движимый принципами человеколюбия, исключительно. Но что теперь?

– Как вы знаете, он раскольниками занимается. Вятский губернатор испрашивает разрешения для поездки его в Казань и Нижний Новгород по делам следствия.

Михаил Иванович кивнул.

– Так.

– А дела раскольников с политикой связаны и деликатности требуют.

– Согласен, Ваше высокопревосходительство.

– Чиновник Салтыков, как я успел убедиться, и в самом деле, строптив и резок в своих действиях. Да он и сам – политический.

Товарищ министра вздохнул, выражая свое нетерпение. Бибииков, уловив интонацию, заканчивал с предисловием.

– Надо бы ему на помощь человека опытного. Как вы считаете?

– Согласен, Ваше высокопревосходительство.

– Да что вы все заладили, мы с вами на равных разговариваем. Оставим чины и звания.

Министр посмотрел тайному советнику в глаза.

– Есть у меня один человек, чиновник особых поручений из общего департамента. Сейчас он как раз в Казани, собирает кой-какие сведения. Проблема вот в чем. Я его лишь третий год знаю, да и знакомство наше началось не лучшим образом... Дмитрий Гаврилович прочистил горло многозначительным покашливанием.

– ...Поэтому хочу спросить вас по-товарищески. Так ли надежен он?

– Кто таков? – спросил товарищ министра.

– Мельников.

Лекс усмехнулся, услышав фамилию.

– Что ж, репутация у него заслуженная. С самого начала своей десятилетней службы в департаменте со старообрядцами борется. Орден имеет. Так что можете ему доверять... Хотя, ежели сомневаетесь – возьмите другого. То же касается и упомянутого выше чиновника. Зачем вы повторно отправляете Салтыкова на задание, когда он и в первый раз не справился? По молодости лет, по складу характера, по неопытности – не важно. Отправьте другого, более опытного.

– Довериться я могу только вам, Михаил Иванович. И скажу вам по секрету, хотя вы, наверное, сами знаете: у нас не всегда есть выбор, и приходится работать с тем, что имеется в наличии. Ну, нету у меня других, понимаете!

Бибииков осекся, будто высказал лишнее. Лекс, покачав головою, произнес:

– В таком случае, вам решать. А насчет господина Мельникова есть один пунктик.

– Какой же?

– Мягко выражаясь, может принимать неожиданные решения.

Бибииков заулыбался:

– Значит, сработаются?

– Ежели принять во внимание схожесть характеров...

Никто из присутствующих не решался нарушить молчание. Николай Васильевич монотонно помешивал чай; Софья Карловна, сложив на груди руки, смотрела в затемненное окно; Салтыков, накупившись, разглядывал свой новенький, только что из салона дагерротип.

– Что, так и будем молчать? – не выдержала Софья.

– Хорошо получился, – невпопад произнес Михаил, кивая на карточку, – Хотел подарить перед отъездом в командировку, уже и надпись сделал: «Моим добрым друзьям Иониным на долгую память».

– Теперь ты не только друг, – хмыкнул Ионин.

Софья Карловна демонстративно и шумно вздохнула.

– Твой подарок как нельзя кстати!

– Это сарказм?

– Как ты думаешь?

– Хватит! – Николай Васильевич решительно отодвинул недопитую чашку.

– Ввиду сложившихся обстоятельств, предлагаю забыть эту гнусную историю, и продолжать жить своею жизнью, ничем не напоминая друг другу о случившемся. Мы все виноваты. Я – виноват в том, что мало уделял времени супруге и домашним обязанностям. Софья – виновата в том, что родилась женщиной. Михаил, – Ионин исподлобья взглянул на зардевшегося Салтыкова, – в том, что воспользовался ситуацией.

– Вот еще! – воскликнула Софья, – Лично я не собираюсь прощать такое чудовищное унижение. Вы оба бросили меня и оставили в одиночестве. Один – уже давно это сделал; другой – вот-вот собирается. И я уверена, он это сделает, ...лицемер.

– Потихе, дорогая. Тебе нельзя волноваться.

– Кто бы говорил!

– Ну, правда, Софи, – вступился Салтыков, – Тебе нельзя нервничать. Ежели благополучно разрешишься от бремени, я обещаю помогать тебе всеми силами. И, клянусь, об этой нашей маленькой тайне никто никогда не узнает. Провалиться мне на месте.

– Тебе легко говорить. Сегодня ты здесь, а завтра нет.

– Что ты имеешь ввиду?

– Когда-нибудь ссылка закончится, и ты уедешь отсюда навсегда. Еще и смеяться будешь, какие мы тут все дураки набитые.

– Я не уверен в этом.

– А я уверена. Все уезжают. Кто ж по доброй воле здесь останется, в этой скучной провинции. У нас ни музеев, ни театров...

– Женюсь и останусь, вот увидите.

– Час от часу не легче! – всплеснула руками Софья Карловна, – Женишься на этой невинной девочке Лизе, что ждет своего совершеннолетия во Владимире?! Привезешь ее сюда, в Вятку. Мы будем встречаться семьями. И как мы будем смотреть друг другу в глаза при этом! И где гарантии, что кого-нибудь из нас опять не наделает глупостей?

– И что ты мне предлагаешь?

Николай Васильевич качал головою, слушая как разговор, призванный расставить все точки над *i* превращается в обычную ругань. Преодолевая собственные обиды, он постепенно приходил к мысли, что Софья Карловна, несмотря ни на что, умная женщина, и она правильно делает, выступая против его предложения жить как ничего не случилось. На Михаила Николай Васильевич почти не сердился, излив всю злость накануне (на лице надворного советника красовались два бледно-желтых пятна, происхождение которых было совершенно очевидно). В конце-концов, и в этом его Софья была права: Салтыков, и вправду, когда-нибудь уедет в свой Петербург, и все забудется.

– Так вот что я скажу тебе, Миша, – подытожила Софья, – Я не желаю больше видеть тебя в своем доме. Слышишь меня? Никогда! Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Но позволь...

– Не позволю, – отрезала Софья Карловна, – И оставь себе свою мерзкую карточку.

Так гнусно Михаил не чувствовал себя никогда. Его Софи, которую он обожал и боготворил, безжалостно порвала с ним всякие связи. Даже дареное колечко выбросила. И, конечно же, во всех бедах он винил не себя, а любимую женщину.

По дороге Михаил зашел в кабак и напился. Через пару часов, пробираясь от фонаря к фонарю по Воскресенской улице в сторону дома, он рассуждал, практически вслух, мало заботясь как это выглядело со стороны (да и вправду, чего бояться, когда уже ночь).

– И как можно верить женщинам? Ты даришь ей себя целиком, а она в любую минуту может вырвать из груди твое сердце и растоптать!...

Увы, господа. Любовь или дружба для особ женского пола не имеет никакого значения. Все делается в порыве сиюминутного настроения, без долгих раздумий и сожаления. Р-р-раз, и не было стольких приятных минут, проведенных наедине. Р-р-раз, и ты переведен в разряд злейших врагов, от которых позорно и стыдно принимать малейшие предложения о помощи. Ну, как же так! Почему нельзя расставаться с любящим человеком, пусть даже он и подлец, и негодяй, на благостной ноте? Почему нужно рвать, и непременно по самому тонкому и чувствительному месту? Ужели для того, чтобы эта рана не заживала никогда, чтобы ты мучился до конца своей жизни? А еще проклясть человека, и посулить ему многие кары, за оказанное, в сущности, одолжение.

Салтыков не понимал этого. Не понимал, и не хотел понимать Софиной непримиримости. За что? – восклицал он, хватаясь за очередной фонарь как за спасительную соломинку.

Благополучно добравшись до дома, Михаил прислонился к деревянной калитке, чтобы перевести дух и поправить размотавшийся шарф (тот волочился за ним по обледенелому деревянному тротуару). Разобравшись с шарфом, он поднял голову в поисках железного кольца, чтобы открыть дверь, и тут увидел торчащий из щели притвора сложенный вдвое конверт.

Салтыков выдернул его и возвернулся к фонарю, чтоб рассмотреть. На синей бумаге красивым женским почерком адрес.

– Лиза?! – воскликнул чиновник, – Моя несчастная, невинная девочка!

И тут он вспомнил другую клятву, что давал от чистого сердца и без тени сомнения.

Да, еще каких-то два или три года назад он, Михаил, не был клятвopеступником. Он был наивным и честным юношей, без толики лицемерия. Что же случилось, и кто виноват? Хороший вопрос. А виновата грубая в своей беспощадности окружающая действительность. А еще осознание бесполезности в ней собственного существования. Страх непосильной ноши, что не по собственной воле свалилась на плечи. А главные виновники торжества – опрометчиво данные обещания! Ведь обещания всегда произносятся от человеческой слабости. Невозможности изменить что-либо в данный момент времени, когда удобнее перенести ожидаемые мероприятия на потом.

И, опять же, эти проклятые женщины! Они чувствуют слабость мужчины и начинают ей пользоваться.

Вот так и Лиза, коварная петитфи⁷... Тоже ведь ждет, надеется. Выдумала себе любовь, а теперь мучается. И папенька ее, тоже хорош. Не вразумит доченьку. Пойдите-ка! А может любовь – это тоже слабость?

Салтыков сунул конверт в карман, и тут же забыл о нем, как вошел в дом. Слуга Платон, с причитанием и охами довел его до кровати и уложил спать. Прямо так в одежде и уложил, зная скверный характер хозяина (чего доброго, драться начнет).

⁷ маленькая девочка (транскрипц. фр.)

На следующее утро чиновник долго приходил в себя и продолжалось это приблизительно до обеда. Отъезд в командировку пришлось отложить. Собранные заботливой рукою Платона чемоданы стояли у стены, ожидая отправки, а вычищенное щеткой пальто лежало на них, аккуратно сложенное. Придя в чувство от выпитого рассола, поднесенного на удивление трезвым Григорием, Михаил еле вспомнил о каком-то письме, что так и не открыл со вчера, так ему было плохо.

– Гриша-а! – тихо позвал Салтыков.

В дверях появился чавкающий Григорий. Он вышел из кухни, с куском хлеба в руках.

– Чего, барин?

– Ты письмо видал? Я вчера сунул его куда-то и не припомню.

– Не-а, – покачал головой камердинер, – Вас Платон принимал, у него и спросите.

– Платоша-а! – снова позвал Салтыков.

Приняв от Платона конверт, Михаил нетвердой рукою вскрыл его и начал читать.

От бумаги пахло духами, а ровные строчки аккуратного девичьего почерка непринужденно струились одна за другой между его дрожащих пальцев, жалуясь, что уже год как их хозяйка не получала от Михаила писем, сообщая далее очень важные для девушки новости. Лиза писала, что сейчас с маменькой и сестрою гостит у своих родственников в Москве, и что после Владимира здесь чувствуется здесь разница, буквально, во всем. И все здесь по-другому. И народу в златоглавой полно. Настолько полно, что дважды за день одно и то же лицо невозможно встретить. Что обыватели не так одеваются, как во Владимире, а много проще и, в то же время, более по моде. А еще по-другому говорят. И в церкву ходят раз в неделю, будто для галочки. Впрочем, писала она, к этому можно привыкнуть. Еще писала Лиза, что ждет от него, Михаила, какого-нибудь подарочка, и что подарок этот можно было бы выслать к ней в Москву, так как здесь они будут гостить еще месяц или два. Писала еще, что они с маменькой, забавы ради, присматривали фасоны свадебных платьев, которые можно пошить здесь же, с последующей подгонкою...

– Гришка, подлец! – крикнул Салтыков, бросив письмо, – Дай еще рассолу!

Камердинер, недовольно ворча что его отвлекают, вновь поплелся в сарай, где стояла бочка с оставшимися с зимы огурцами.

– Нет, ты видал? – говорил Михаил оставшемуся рядом Платону, – Подарочек ей надо! Свадебные платья они примеряют!

Платон пожимал плечами:

– Барышни...

– Безголовые курицы, – вот что я тебе скажу о всех женщинах!

Старик покачал головою, будто бы разделяя мнение хозяина, но ничего не сказал.

– Стоит только раз пойти им навстречу, и они уже думают, что могут править тобою, как вздумается.

– Вот-вот, – проворчал Григорий, появившись с ковшиком рассола в руках, – А я всегда говорил: от баб только беды.

– Поэтому ты с ними не связываешься?

Барин взял холодный ковш и жадно припал губами к его краешку, забыв про слабое горло.

Оставив Платону денег на хозяйство из выданных прогонных, Салтыков уехал к вечеру, наказав Григорию шибко не пить. Уехал злой. Еще бы: впереди ответственные дела, и тут такие переживания. Скорее прочь отсюда! Да пропадите вы пропадом!

Глава вторая

Конец марта 1855 года. Город Казань

Далеко за полночь в ворота дома купца 3-й гильдии Трофима Тихоновича Щедрина постучали. А именно, неистово заколотили эфесами сабель два усатых городских, заслоняя широкими спинами господ в штатском. Заслоняемые темнотою, – чиновники особых поручений Салтыков и Мельников, – большие авторитеты по вопросам раскольников.

А всей честной компании, движимой служебным рвением и поручением совещательного комитета, страсть как хотелось узнать во всех малейших деталях о делах тайных и явных (в основном, конечно же, тайных), зажиточного купца—раскольника Щедрина.

По наводке Анания Ситникова, а так же полученных в ходе следствия сведений о поездке к данному лжеепископу Щедрину на исповедь сарапульских старообрядцев, господа следователи предвкушали нынче же ночью с головою погрузиться в пучину самых неприглядных тайн раскольнического мира, а ежели повезет, то и раскрыть настоящий заговор. Причем, нити оного, по твердому убеждению Синода и покойного императора, могли бы вести куда дальше, чем за пределы России-матушки. Ни дать ни взять – в какую-нибудь предательскую Австро-Венгрию или того хуже – к османам.

Полицейские, крича, чтобы хозяева немедленно отворили ворота, все усерднее работали кулаками и саблями. Им же вторили цепные псы во дворе, все сильнее заходясь в истерике. Господа чиновники в нетерпении переминались с ноги на ногу, зябко кутаясь, кто в воротники пальто, кто в пелерины серых шинелей. В самом доме заметно было движение: тусклый свет поочередно вспыхивал то в одном то в другом окне; занавески шевелились; неясные тени человеческих фигур поминутно мелькали, скрываемые за частоколом выставленных на подоконниках горшков с геранями.

Наконец им открыли. Дворовый мужик заспанного вида и включенной бородою, что так долго мешкал с засовами, тут же получил в зубы от вахмистра и сел. Другой мужик, едва удерживая псов, по одному на каждую руку, попятился назад, давая проход господам. Вахмистр, отобрав лампу у обескураженного привратника, устремился через двор к крыльцу, где уже стояли человек пять в наспех накинутых тулупах.

– Именем Государя императора! – прогремел на ходу басом.

Стоявшие на крыльце зароптали и зачастили двуперстием. Откуда-то из недр дома послышался бабий крик.

– Трофим Щедрин кто будет?! – грозно осведомился подоспевший Мельников.

Бородатые мужики продолжали креститься и молчали.

– Отвечайте, каналы! – прогремел вахмистр, демонстративно опустив руку на сабельную рукоять.

– Так дома он... Спать изволит, кормилец.

– А ну-ка, – раздвинул толпу Салтыков, – посторонись.

Чиновники быстро засеменили вверх по крашеной масляной краскою лестнице. За ними последовали еще двое рядовых из полицейского участка и понятия.

– Добавь света! – гаркнул вахмистр, задерживаясь внизу, – А ну, кто там еще – двигай все сюда, на улицу! ...Да уברי же ты псов, ...зарублю! А ты, Васильков, закрой ворота и стой там. Да смотри, чтобы ни одна сволочь не ускользнула!

Расторопные чиновники хозяйничали в горнице. Приданные им в помощь из Управы двое чинов обыскивали тем временем другие комнаты. Хозяин дома, старик лет семидесяти

с окладистой бородою и в исподней рубахе, молчаливо взирал на происходящее, сидя по центру комнаты. Три бабы – жена и дочери, застывшие в дверях, ревели навзрыд.

– Ну что, Трофим Тихоныч, – спрашивал старика Мельников, – будете упорствовать?

Хозяин сурово молчал.

– А ведь Ананий сдал вас, ... сдал со всеми потрохами.

Хозяин фыркнул в бороду.

– Советую добровольно помочь следствию, – нервно вторил Мельникову Салтыков, перебирая в углу под деревянной божницей стопку старопечатных книг.

– А вы скажите, в чем вина, я и подумаю.

– А вы не знаете? – повел бровью Мельников.

– Ну-у-у-у, знать-то я много чего могу, давно на свете живу, а вам-то что. Убил я кого, или ограбил?

Мельников хмыкнул:

– К вере раскольничьей совращали-с.

– Подумаешь, велика потеря. А вы докажите?

– Верно, плохо слышите, Трофим Тихоныч? Я же сказал: все тот же Ситников, он же – лжеиннок Анатолий, сдал вашу тайную организацию.

Старик отрицательно покачал головой:

– Не знаю такого, и ведать не ведаю, о чем говорить изволите.

– Так значит? – Мельников пристально смотрел на подследственного, пытаясь проникнуть ему в голову.

Не выдержав взгляда, старик Щедрин выдохнул:

– Ну, сдавал я ему угол, что с того... Ну, ссудил деньгами в виду крайней необходимости. Чай, дело свое имею. Авось, не обеднею с нескольких ассигнаций. Да на наших плечах купеческих Россия держится!

Щедрин повернул голову в сторону вопрошающего:

– А вы, господа хорошие, разве не помогли бы вопиющему о помощи?

– Не юлите, Трофим Тихоныч, – вступился Салтыков, приблизившись к Щедрину, – Видали мы ваши ассигнации и для кого они предназначаются – знаем. Да и переписку вашу секретную читали-с. Вы, кроме того что купец-картузник, еще и фальшивомонетчик!

– Молод ты еще, – отозвался старик.

Вероятно, Щедрин хотел еще что-то такое добавить к сказанному, но не успел. Салтыков, что есть силы, ударил лжеепископа по лицу. Старик охнул и схватился за челюсть. Бабы в дверях взвыли как по команде, но их тут же выгнали. Взбешенный чиновник навис над раскольником, готовясь ударить вновь. Его большие на выкате глаза старались пригвоздить старика к полу, а крепко сжатый кулак завис над убеленной сединами головой.

– Где станок печатный хороните?! Кому деньгу поддельную сбываете?!

Старообрядец беспомощно озирался по сторонам, ища справедливости. Но никого, кроме обидчика и чиновника Мельникова рядом не было. Полицейский, загородивший всем телом дверной проем, виновато понурил голову.

– Вы понимаете, что вам за это будет?! Тюремный замок, суд, каторга, – продолжал напирать Салтыков.

– И это слабо сказано, – кивал помощник, – Политическое дело, государственной изменой пахивает.

– Да как так-то? – встrepенулся старик, позабыв про зубы, – Что значит государственное, я же всей душою за императора нашего...

Тут в двери протиснулся унтер, и Салтыков для продолжения обыска отлучился в задние комнаты, пригрозив напоследок раскольнику. Дальнейший разговор происходил между Щедриным и господином Мельниковым с глазу на глаз.

– Не юродствуйте, Трофим Тихоныч, – начал Мельников, – Знаете какая сейчас обстановка на внешнеполитической арене. Очередная кровопролитная война с Турцией. Что же вы как маленький, право слово. Все ваши связи старообрядческие только врагам на руку.

– Но ведь и там братья христиане правоверные, в Палестине-то, в Константинополе, под османским-то гнетом. Вот и Государь наш Николай, Царствие ему небесное, – старик перекрестился, – последний хранитель правоверия, под крыло свое дунайские княжества принять вознамеривался.

– А откуда вам знать, любезный, с кем именно вы там связи поддерживаете. Все это проверенные люди? А может это шпионы Бонапарта! Или вы сами – шпион?

– Да упаси Господь! – открестился старик.

– Вы, сами того не ведая, Ватикану служите. Подрываете, таким образом, экономическую мощь державы Российской деньгами фальшивыми да книжками нецензурными.

– Да не в жизнь! – продолжал божиться Трофим Тихоныч.

– Или тайные скиты с беглыми рекрутами в прикамских лесах на содержание берете. Этим, опять же, подрываете обороноспособность России-матушки.

– Ни про какие скиты не ведаю!

– Ну, по меньшей мере, склоняете в раскол и смятение наводите в душах верующих своим отступничеством от духовного регламента.

– Во-о-о-о-т оно, вот оно что! – возопил раскольник.

Здесь Мельников замолк, дав Щедрину высказаться. Отойдя от старика, стал с интересом разглядывать шелковую пелену под иконами на противоположной стене, и даже шупать ее пальцами.

– Вот в чем причина поклепа-то! Это все Никон, богохульник, реформатор бесовский! Вселенским патриархом стать вознамерился! С него все и началось еще при Алексее Михайловиче!

– Я историю знаю, – усмехнулся чиновник.

– Да где же! – понизил голос Щедрин, – Как можно веру Христову по своему усмотрению переделывать, то вправо то влево поворачивать на потребу политике! Это же надо такое выдумать – Крестный ход в обратную сторону!

Чиновник особых поручений заходил по комнате, явно что-то обдумывая. Старик поворачивал вслед за ним голову, пытаясь уловить настроение Мельникова.

– Или я не прав? – спросил он следователя.

– Пожалуй, этим высказыванием, Трофим Тихонович, вы косвенным образом подтверждаете мое подозрение о ваших связях с Балкано – Турецкой диаспорой...

– Да как же так? Ежели бы я Ватикану помогал, да разве б я радел за братьев наших? Ведь как прибили мы щит на воротах Цареградских, так и защищать и помогать обязались.

– А какая вам разница: что в прошлом хазары-иудеи, что православные и наши и за границу, все одно – враги для вас. Что до меня – как ни крути – дети Божии. Зачем же копыа ломать? Вот вы говорите, что историю знаете. А я авторитетно вам заявляю, что история и истина, это вещи разные и пропасть между ними огромная. Да и раскол этот давно начался, как вам должно быть известно, и Никон только точку поставил в этом двоеверии.

Мельников остановился и смотрел на старика не отрываясь.

– Вот вы молчите, – продолжал он, – однако мы оба знаем, кого предки наши славили еще до Владимира. Поэтому, кстати, и православными назывались. А сам-то князь, в угоду собственных амбиций, новую веру насаждал, под страхом смерти. Огнем и мечем по согласованию с угасающей Византией. Да и сам Иисус – еврей правоверный! Что вы на это скажете?

Старик молчал, а Мельников не унимался:

– Получается так, что вы, Трофим Тихоныч, всего лишь защитник одного из поворотов в истории, но не истины. И в этом мы с вами похожи. Я тоже защищаю интересы государевы. Вы же не против царя?

Раскольник истово закрестился:

– За царя, за царя-нашего-батюшку!

– Ну, слава Богу! – облегченно выдохнул Мельников, – Времена нынче сложные и меняться приходится, несмотря на то, что ваши предки, староверы православные, никакой официальной власти над собою не признавали – ни воевод царских, ни власть московскую с митрополитами, ни податей. Ведь главное для нас сегодня, это что в нашей Державе твориться, правильно? А сегодня так получается, что мы с вами, образно говоря, на одной стороне баррикады перед опасностью из-вне, то есть войною с Турцией. Однако, я защищаю интересы нынешние, а вы – давно минувших дней. Отсюда вывод – вы заблуждаетесь в том, что обеими руками за старое держитесь.

– Не вразумлю, к чему вы клоните, – пожимал плечами старик.

– А вот к чему: к разоблачению вашему. Меня вот что интересует больше прочего: в чем причина сей непоколебимости?

Старик молчал.

– А причиной тому, я полагаю, – отвечал за него Мельников, – ваша материальная заинтересованность. Раскольником быть выгодно, не правда ли? В любом городе тебя приветят, накормят, и от лиха сберегут.

– Вера моя от прадедов и от отцов наших, – буркнул Щедрин, – того и держимся.

– Известное дело, – кивнул Мельников, – в лаптях, небось, не хаживал.

– Так известно, – ухмыльнулся в бороду Щедрин.

– Вот я и говорю, родительскую кубышку в погребке дополняете? Какая там у вас по счету тыща: вторая, третья, четвертая?

– Не вашего ума дело, – нахмурился старик, – Я своим трудом наживаю.

– Так живите! кто ж вас неволит! Однако, со сбором капитала, упускаете вы из виду вот какую вещь...

Старик нахмурил брови и вопросительно глядел на следователя.

– Раз так, – продолжал Мельников, – то купить вас можно! И купит вас тот, кто большую сумму предложит. Например, сами знаете кто. Но вы можете об этом не догадываться, правда, ведь? Действовать, так сказать, по чужому наущению? Полагая в душе, что это ваши собственные помыслы.

– А вы докажите! – буркнул старик.

– Вот этим мы сейчас и занимаемся, Трофим Тихоныч. Проблема в том, что не хотите вы землю-матушку пахать как простой крестьянин. Желаете почета и уважения без пота и крови пролитой. Куда ни глянь, раскольники ваши в кулаке купеческом все губернии держат. И вы туда же: лучше именем Христовым кормиться, чем бурлацкую лямку тянуть?

Старик насупился и сидел так около минуты молча. Потом сказал:

– Намеки ваши на Антихриста, не к ночи будут сказаны. Я в Бога верую. А то, что я в свои семьдесят лет не разбираюсь в чем-либо – это навряд ли. Одно я знаю точно: теперешние христиане православные, хоть и отступники от веры истинной, но все равно – братья. Правильно вы сказали, что Господу нашему нету разницы – все его дети. И ежели я, по упущению своему, помог кому-то, кому не следовало, так Бог простит мне эту малость, ибо не для праведников религия наша, но для грешников. В числе коих и я, Трофим Щедрин, купец 3-й гильдии пребываю.

– Ну и мастер вы, Трофим Тихоныч. Право слово, так ловко выкрутить! – улыбнулся Мельников, – Как бы там ни было, наш сегодняшний визит к вам должен принести определенно положительный результат. Например, найдем за печкою фальшивые денежки. Вон чиновника из Вятки прислали, и не просто так. Смею вас заверить, что у господина Салтыкова исключительных нюх на подобного рода делишки, даром что молод. Он уже не одно дело раскрыл и исколесил по нашим губерниям изрядно. Честнейший человек.

Старик пожал плечами и тихо сказал:

– Пушай ищет.

– Да-да, уж он обязательно найдет, будьте покойны... А книжки свои раскольничьи можете и дальше читать сколько вздумается, лишь бы господин Салтыков у вас из чуланчика станок печатный не выудил.

Старик кивнул:

– Что найдете, все ваше.

И про себя добавил чуть слышно:

– Мне чужого не надо.

Долгое отсутствие денег определенно портит человека. Все свое время он тратит на поиски заработка. Зарабатывание денег становится смыслом и единственным наполнением жизни. Постепенно человек замыкается на себе и своих сиюминутных потребностях. Свои собственные потребности выступают на передний план. Как следствие – человек перестает замечать окружающих.

После смерти матушки Аверкиев вздохнул с облегчением. И не только потому, что матушка, наконец-то отмучалась. Иван Александрович почувствовал крылья, которым раньше не давали расправиться заботы о хлебе насущном и чувство сыновнего долга к родительнице. Теперь же он мог делать все. А главное, – не задумываться о последствиях. Того якоря, тех железных цепей, что приковывали его к дому, не было. Смерть матери, если честно, и подвигла его на предательство. На кражу, если быть точным, государева золота.

Сразу после кражи он еще испытывал ничтожные угрызения совести. Дальше было проще. Заручившись поддержкою друга, Аверкиев тратил не задумываясь: вино, случайные женщины. Хорошо не дошло до карт, иначе как знать, удалось бы ему приступить к осуществлению заветного плана? А именно – сделать предложение руки и сердца Анне Ильиничне.

И вот, настал тот день, когда откладывать более стало нельзя. И он засобирался.

Тем же утром оба чиновника сидели в кабинете Мельникова с обсуждением не только результатов ночного следствия. Вопреки приподнятому настроению Павла Ивановича, Салтыкову же, как будто, нездоровилось. Сидел он в пальто, не раздевшись. Помешивал чай, и отрешенно смотрел в стопку бумаг на столе.

– Ну, что скажите, Михал Евграфыч? – спрашивал Мельников, расположившись в кресле со своим стаканом чаю.

– Сегодня же составлю рапорт листов на десять и отошлю в канцелярию, – отвечал недовольный чиновник.

– И то правда, за два дня столько обысков провели, а похвастаться нечем.

– А Ситникова этого, собаку, – сгною на каторге!

– Ну, полно тебе, Миша. Нельзя же так верить людям. Ужели первый раз обманывают?

Салтыков кивнул, продолжая глядеть в стол.

– А меня больше Трофим Щедрин заинтриговал. Этаким скопидом. Этаким ревнитель древнего благочестия, для которого вера сия – лишь прикрытие. Так ведь и не раскололся, – раскольник.

Павел Иванович усмехнулся собственному каламбуру.

– А как он лихо про братьев православных загнул, пока вы там печатный станок разыскивали! Газет, что ли, начитался, старый хрыч?

Салтыков перевел взгляд на товарища и произнес:

– Не понимаю я тебя, Павел Иванович.

Мельников усмехнулся:

– Это почему?

Салтыков устало выдохнул:

– С одной стороны ты все правильно делаешь. Смотришь вперед, в угоду государственным интересам действуешь. Наверное, и размышляешь соответственно. Мол, раз поставили тебя на эту должность – исполняй. Да не абы как, а с непременным усердием. Ежели Государь сказал, что нам нужны Балканы, значит так оно и есть – нужны. И даже задумываться не стоит: зачем?

– Так-так-так, – мысль Салтыкова явно заинтересовала Павла Ивановича.

– С другой стороны, – продолжал тот, – начинаешь цацкаться с этим Щедриным. Что-то объясняешь ему, пытаешься доказать. Но разве с самого начала не понятно, что с ним такой номер не выйдет. В душе он насмехается над тобой, уверенный в своем превосходстве. Будто бы обладает какой-то важнейшей тайной, о которой тебе не ведомо. И с его точки зрения, факт обладания ею, возвышает его относительно прочих на высочайший уровень. Да будь ты хоть генералом, для него ты останешься жалкой помехой к собственной цели, к которой он идет очень даже уверенно, потому что видит ее, потому что знает, что нужно делать. Я могу предположить, что Щедрина дьявольски повезло, что мы ничего не нашли. Но, с другой стороны – мы и не могли найти, потому что такого поворота событий изначально не предполагалось.

– Хочешь сказать, что кто-то предупредил?

– Нет. Хочу сказать, что станка у него не было. Вот ты: умный человек, гораздо опытнее меня, ты можешь предположить, что розыски печатного станка, это ширма. Предлог. Обманное движение. Приманка, следуя за которой такие как мы, выполняем работу, о результатах которой даже не подозреваем. Я ни за что не поверю, что ты Паша, никогда не задумывался над этим вопросом.

– Э-ка тебя занесло, брат, – хмыкнул Павел Иванович, – Отчего подобные мысли в голову лезут? Уж не заболел ли? Наверное, заболел. Вижу – знобит.

Салтыков покачал головой.

– Прозрел я. Или устал. Сам не знаю. Раньше себя жалел, хныкал. Теперь – нет. Злоба какая-то появилась необъяснимая. Да не уходит, а копится. Вот смотрю я на человека, а вижу в нем лишь препятствие. Порою так и хочется на пустом, казалось бы, месте, какой-нибудь допросец с пристрастием учить.

– А-а-а-а, ты про это, – Мельников провел ладонью по гладко выбритой щеке, – Видел я как ты Щедрина вмазал.

– Вот именно, – кивнул Салтыков, – Знал бы ты, Паша, как надоело мне все. Второй год этим делом занимаюсь. Даже отказаться пытался, ан – нет. Обязали ввиду моей особой, видите ли, сообразительности.

– Шутишь?

– Если бы, – Салтыков вздохнул, пропуская сарказм товарища, – Уже не одну тыщу верст исколесил по губерниям, рапортов триста накатыл, и еще, чувствую, написать придется.

Мельников хмыкнул:

– И народу арестовал предостаточно.

– Какой там народ! Ладно бы душегубы всякие, а то половина из них – старики да старухи древние. Им бы дома сидеть, с внуками нянчиться. Ан нет, – одна дорога у меня для них, – в кутузку! Думаешь, поделом?

– Шутить изволите? Молва о подвигах ваших служебных, Михал Евграфыч, и до наших мест докатилась.

– Не уж-то? – отмахнулся Салтыков.

Мельников утвердительно кивнул:

– Дескать, разъезжает по здешним губерниям некий чиновник с особо секретным министерским поручением. Где какой непорядок обнаруживает – карает нещадно. Взятки не берет. Рапорты из каждого города отсылает пачками. А главное – сам-то он – под надзором за политику!

Мельников отхлебнул с ложечки, внимательно посмотрел на товарища и продолжил:

– Все тебя боятся, Мишенька!

– Думаешь, слава меня интересует?

– Думаю, выслужиться желаешь. Прощение государево вымаливаешь. Скажи спасибо, что не отдан ты в солдаты за свои вольнодумства, не упечен под пули на Кавказ. А Вятка по сравнению с Сибирью – рай земной.

– Может и так... Да ведь и сам-то ты недалеко от меня ушел. До Шадринска! Сколько тебе дали: год, два?

– Все-то ты знаешь, Миша! – иронично воскликнул Мельников, – Да, представь себе, я такой же чиновник особых поручений при министерстве, такой же негодяй по приказанию. И так жизнь наша с тобою устроена, что никуда от этого не денешься. Кстати, и наши собственные соображения по поводу истинных манипуляторов, желания которых мы исполняем, никого не интересуют. Лично я успел убедиться в этом на собственных шишках, о которых ты только что пытался так неудачно пошутить. Пойми, жизнь вокруг меняется, а вместе с нею меняются и наши взгляды на незыблемые, казалось бы, истины. Сегодня ты, к примеру, с раскольниками борешься, а завтра, коль прикажут – защищать начнешь. Причем, по собственному вновь приобретенному убеждению. Разве нет? Вот ты спрашивал меня давеча, почему мы по второму кругу за разорение скитов принялись?

– Да, спрашивал.

– Так я открою тебе тайну. И может статься, что той же самой тайною обладает и наш старикан? Поэтому так ведет себя.

Мельников убрал недопитый чай, поднялся из кресла, и переставил его поближе к столу, за которым сидел Салтыков. Сев в него, поманил пальцем Михаила, чтобы тот наклонился к нему еще ближе.

– В некоторых догадках ты прав, – сказал Павел Иванович, – Не столько ради поиска печатного станка и фальшивых ассигнаций мы сюда приехали. Это лишь одна из задач. Расчищая место для официального православия, переворачивая с ног на голову уверенных в своей неистребимости раскольников, мы готовим почву и создаем предпосылки для грандиознейших перемен, которые вот-вот наступят, благодаря высочайшему соизволению нового Государя Императора.

Салтыков, внимавший каждому слову товарища, резко выпрямился и выдохнул. Откровение Павла Ивановича оказалось весьма неожиданным. Неожиданным потому, что услышать он собирался совсем не это.

– Для сильного государства нужна одна религия, один царь, одна политика. Согласен? Три вещи вместе – это власть. Три вещи вместе нужны чтобы держаться прочно. Однако, нужна и капля, которая переполнит реку и даст ей движение.

Салтыков замотал головой:

– Не понимаю, о какой капле ты говоришь.

– Я говорю о толчке, который взбудоражит нашу устоявшуюся действительность, и даст возможность для дальнейшего развития.

Теперь Павел Николаевич сам выпрямился в кресле, предвосхищая вполне закономерный вопрос со стороны Салтыкова.

– Если ты думаешь, что я какой-нибудь масон или революционер – ты ошибаешься. Есть другие мирные способы изменения мироустройства. Я сам до недавних пор не подозревал об этом, потому что искал совсем в другом месте.

– Какой же способ?

– Объясняю. Движение – это жизнь. Застой – это смерть. Те же раскольники не только держат деньги в кубышках, но и пускают в оборот. Но только оборот этот происходит среди сравнительно небольшого числа людей, и в таком же ограниченном пространстве. Его границы – наше государство и соседние страны в меньшей степени. А что если расширить его? Но для этого нужно стать открытым для остального мира. Однако, нельзя пустить в дом чужого человека и сказать ему: делай что пожелаешь.

– Какой же выход?

– Устроить собственную страну по образцу соседей.

– Но разве у нас не так?

– Так, но не совсем. Мы до сих пор храним самобытность, которой, по моему мнению, слишком много. Для быстрого развития необходима упрощенность, ведь самые надежные механизмы есть самые простые. Чем больше деталей, тем больше причин для поломки. Согласен?

– Ну-у, это как посмотреть. У меня, к примеру, часы...

– Погоди. Часы-то у тебя чьи?

– Английские.

– То-то же.

Мельников улыбнулся.

– К примеру, в Англии есть крепостное право?

– Нет. Но там и земледелия нету.

– Зато какие финансы и промышленность, до недавнего времени...

– Была, – уточнил Михаил.

– Не важно! Я для примера сказал.

Салтыков с недоверием посмотрел на Павла Ивановича.

– Ты намекаешь на то, что скоро уберутся лишние детали?

– Именно.

– Для того, чтобы расширить денежный оборот?

– Да. На ярмарках, где много народу, стоят большие карусели.

– А где взять деньги, когда простой народ, скажем прямо, не богат?

– А вот над этим мы как раз и работаем.

Павел Иванович сложил руки на коленях и с улыбкою произнес:

– Я вообще удивляюсь, почему ты затеял этот разговор, когда сам уже давно задействован в изыскании средств. Сам же рассказывал мне о сибирской командировке. Забыл? Нет, ты определенно не здоров. Прими лекарства и отдохни.

Мельников поднялся из кресла, давая понять, что разговор закончен и ему необходимо куда-то спешить.

– Ну, хватит. Совсем ты, гляжу, расклеился. Надумал проблем, и сокрушаешься. Давай, вечером у меня.

– Всенепременно, – отвечал Салтыков, принимая на своем плече дружеское похлопывание товарища, – Буду в шесть, только с рапортом закончу... Ежели не возражаешь, воспользуюсь твоими кабинетом и чернилами.

Мельников кивнул.

– А ты когда отъезжаешь?

– Завтра.

– В Нижний?

– Да, – задумчиво отвечал Салтыков, – Не знаю, правда, скоро ли буду там. А что?

– Ну-у, я-то, пока, здесь останусь. Надобно кой-какие сведения подсобрать. Опосля уже в Петербург двинусь для личных объяснений с министром. Кстати, о нашем разговоре – никому. Я и так слишком много тебе рассказал. Сам понимаешь – дело секретное.

– Понимаю, – кивнул Салтыков, вымученно улыбаясь.

– И вот еще что! – спохватился Мельников на выходе, – По всей Нижегородской губернии раскольников этих я 170 тыщ насчитал! Справишься?

Салтыков промолчал.

– Ну, ежели что, обращайся! Помогу чем смогу!

И неспешно удаляясь по коридору, Павел Иванович громко и нараспев, словно бы в шутку, продекларировал: Христианского благоче-е-естия ревнителям и защитникам Христовой Це-е-еркви и всем православным христиа-а-анам пода-а-ай, Господи, тишину и благоде-е-енствие, и изобилие плодов земных, и многая ле-е-ета!

Санкт-Петербург. Обжорный ряд

– А я слышал, поймали тебя, Гаврила Степанович.

– Врут, сволочи.

Мельхиседек вырвал из рук нерасторопного официанта порцию супа и водрузил перед собою, намереваясь поскорее отужинать. Склонившись над дымящейся тарелкою, втянул ноздрями непередаваемый запах адского бульона, и тут же запустил в него ложку, так он был голоден. Возможно, в другое время на варево из бычьих голов он не взглянул бы и вовсе, но теперь обыденная пища обитателей петербургских низов показалась ему вкусной и привлекательной. Сидящий напротив блондин, в цветастом жакете и прилизанными волосами, с интересом наблюдал, как бородач усердно работает челюстями и причмокивает.

– Зачем позвал, дело какое есть? – спросил он, дав Мельхиседеку насытиться.

– Позвал? Не ты ли сам меня разыскивал? Я только утром в Петербурге, а уже слышу про твои хлопоты.

– Ладно, ты первый рассказывай.

Гаврила Степанович обтер рукавом жирную бороду, рыгнул, и сказал:

– Нужда у меня одного прощелыгу найти: вернуть свое кровное.

Человек усмехнулся.

– Вор и вора украл? Ну, надо же!

Гаврила Степанович насупился.

– Шучу я, шучу! – кивнул человек.

– Ты, Вася, говори, да не заговаривайся. Я и рассердиться могу. К тому же, должок за тобой, али запомнил?

– Какой должок? – встрепенулся человек.

– Забыл, когда тебя свои же воры на ножи поставили? Я тогда еще в департаменте работал. Вспоминай!

Васька Белый захлопал глазками.

– Когда ты Яшку Смуглова завалил, чтобы вместо него стать главным в здешней воровской организации. Тебя же сразу выследили. А у твоих жуликов другой кандидат на место был.

– Яшка сам виноват.

– Он сдавал полицейской управе всякую шушеру, чтоб не мешалась. И конкурентов сдавал, чтоб на вашу территорию не зарились. Да не об этом речь. Ты мне жизнью обязан, вот чего!

Озадаченный Васька, до сего момента вальяжно располагаясь напротив разбойника, медленно погладил себя по впалому животу, а затем резко подобрался на стуле, озираясь по сторонам. Где-то за соседними столами выглядывали головы его сотоварищей.

– Да я многого и не прошу, – сменил тон Гаврила Степанович, – Дай мне шестерок своих в подручные. А как найдем человека, так сразу и расплачусь. На счет этого не стоит беспокоиться.

– Я не поэтому переживаю. Ты знаешь, у нас другая специализация.

– Ты погоди, – крикнул Гаврила Степанович, и наклонился под стол, снимая сапог, – Часть денег я тебе сейчас дам. Я тут кубышку распечатал, на черный день берег.

Разбойник бросил на стол бумажные ассигнации.

– Пятьсот рублей. Хватит пока?

Белый презрительно взглянул на рассыпавшиеся по столу бумажные затертые купюры.

– Вот ежели бы серебро-ом, – задумчиво произнес он.

– Отдам тебе золотом, – поспешил с ответом Гаврила Степанович.

Ежели описывать холостяцкое жилище Павла Ивановича, то съемная квартира Мельникова своею обстановкою соответствовала походному образу жизни командированного чиновника. А еще о том, что обитался он здесь без жены, а слуга его не слишком радел о приборке. Тут стояли неразобранные чемоданы; там, на диване, лежала верхняя одежда и книги; с ширмы, отделявшей кровать, свешивался перекинутый сюртук. Но самый апофеоз безобразия – рабочий стол, заваленный бумагами. Впрочем, к бумагам слуге прикасаться было строго запрещено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.